

Национализм, авторитаризм, фашизм: почему в странах Прибалтики прошлое становится будущим (статья первая)

Межевич Н. М.

Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Великая Отечественная война была не только противостоянием стран, но и борьбой идеологий. Фашизм был разгромлен, коммунистическая идеология и демократические практики победили и начали конкурировать между собой. Взаимное сдерживание в послевоенной Европе способствовало тому, что фашизм и неонацизм не могли стать угрозой обществу.

Ослабление внешнего политического управления, распад СССР привели к качественному росту национализма именно в Восточной Европе. Однако именно в странах Прибалтики трансформация национализма в авторитаризм, а авторитаризма в фашизм, прошедшая в 20–40-е годы прошлого века, повторяется опять. Специфике этого процесса посвящены две статьи. Первая рассказывает о специфике политических систем современной Прибалтики, истории стран Прибалтики и генезисе фашистской идеологии в Прибалтике. Вторая статья будет посвящена прибалтийскому национализму как фактору формирования авторитарных и фашистских практик, оценке перспектив возрождения фашизма в Прибалтике и анализу этой опасности для России. Юбилей Великой Победы — это хороший повод не только для гордости за прошлое, но и для того, чтобы найти угрозы будущего.

Ключевые слова: национализм, фашизм, авторитаризм, политические системы, национальная история, войны памяти, Эстония, Латвия, Литва, антисемитизм, историческая политика, парамилитарные формирования, войска СС

Для цитирования: Межевич Н. М. Национализм, авторитаризм, фашизм: почему в странах Прибалтики прошлое становится будущим (статья первая) // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 10–23.

Nationalism, Authoritarianism, Fascism: Why in the Baltic States the Past Becomes the Future (Article One)

Nikolay M. Mezhevich

Institute of Europe of Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation; mez13@mail.ru

ABSTRACT

The Great Patriotic War was not only the opposition of countries, but also the struggle of ideologies. Fascism was defeated, communist ideology and democratic practices won and began to compete among themselves. Mutual deterrence in post-war Europe contributed to fascism and neo-nazism not becoming a threat to society.

The weakening of external political governance and the collapse of the USSR led to a qualitative increase in nationalism in Eastern Europe. However, in the Baltic states the transformation of nationalism into authoritarianism, and authoritarianism into fascism, which took place in the 20–40 years of the last century, is repeated again. Two articles are devoted to the specifics of this process. The first tells about the specifics of the political systems of the modern Baltics, the history of the Baltic countries and the genesis of fascist ideology in the Baltics. The sec-

ond article will be devoted to Baltic nationalism as a factor in the formation of authoritarian and fascist practices, the assessment of the prospects for the revival of fascism in the Baltics and the analysis of this danger for Russia. The anniversary of the Great Victory is a good reason not only for pride in the past, but also for finding threats to the future.

Keywords: nationalism, fascism, authoritarianism, political systems, national history, wars of remembrance, Estonia, Latvia, Lithuania, anti-Semitism, historical politics, paramilitarian formations, SS troops

For citing: Mezhevich N. M. Nationalism, Authoritarianism, Fascism: Why in the Baltic States the Past Becomes the Future (Article One) // Administrative consulting. 2020. N 3. P. 10–23.

Попытки переписать историю и тем самым повлиять на развитие мировых процессов на современном этапе будут продолжаться. Мы должны быть во всеоружии, чтобы этим попыткам было не суждено реализоваться¹

Память, но не рефлекс — возможно, ключевое отличие человека от мира животных. В тех случаях, когда мы говорим о крупных социальных объектах, группах, классах, нациях, память становится коллективной и приобретает новое качество, самостоятельную ценность, выражающуюся в том, что эта группа или общность весь ход исторического процесса воспринимают через данную призму. Кроме того, историческая память наследуется. С ней можно бороться, но ее можно и поддерживать. Ее можно хранить, но можно и переписывать. Историческая память — новое поле боя в условиях стратегического ядерного паритета. Стране, лишенной памяти о своем прошлом, не трудно навязать чужое будущее.

И еще один важный, возможно, ключевой момент. У государств, как и людей, не просто бывает разная память об одних событиях, возможен конфликт памяти. В Эстонии и Латвии ветеран СС, из 15-й, 19-й или 20-й дивизии — это защитник родины, волею случая одетый в немецкий мундир. Им если не гордятся открыто, то пытаются реабилитировать с помощью юридических ухищрений и переоценко прошлого. Для россиян латышские, эстонские и литовские герои — это воины 130-й дивизии Латышского ордена Суворова корпуса, 8-го Эстонского стрелкового Таллинского корпуса, равным образом и 16-й стрелковой Литовской Клайпедской Краснознаменной дивизии. Иного не дано.

Американский ученый, теоретик и практик идеологических диверсий на постсоветском пространстве Пол Гобл указывает на то, что «каждая попытка навязать одностороннее толкование истории встречает противодействие; те, чье будущее зависит от способности контролировать исторические толкования, готовы заплатить за это более высокую цену, чем кто-то может себе представить»². Однако антироссийский пассаж был мимо цели, как и все геополитические экзерсисы автора за последние 30 лет. Россия, наследница СССР, заплатившего за победу 27 000 000 000 жизней, показала себя готовой продолжить спокойную и выверенную защиту итогов Второй мировой и Великой Отечественной войны.

Понимание этой ситуации заставляет политический класс Прибалтики применять

¹ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на церемонии возложения цветов к мемориальным доскам по случаю Дня дипломатического работника, Москва [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4032168 10.02.2020.

² Гобл П. Парад 9 Мая — крупнейшая ошибка Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obozrevatel.com/news/2005/5/9/11855.htm> 9.05.2005.

силовые инструменты. Не согласных с реабилитацией нацизма в Прибалтике бросают в тюрьмы, их преследует политическая полиция, их обрекают на нищету, назначая им чудовищные штрафы за политические высказывания. Эта модель избирательного насилия — системный признак авторитарных прибалтийских режимов.

Многочисленные недосказанности национальной истории, «белые пятна», системный геополитический коллаборационизм, реабилитация фашизма выталкивают государства Прибалтики на тяжелую для нас, но, в конечном счете, безнадежную для них пропагандистскую войну.

Впрочем, исходя из внутривнутриполитических задач и по мере системной деградации, в Прибалтике все больше внимания уделяется оправданию собственных граждан, воевавших в частях СС, уничтожавших людей в гетто и концлагерях, сжигавших города и деревни в Советской России, на Украине и в Белоруссии. Госсекретарь МИД ЛР Андрис Тейкманис в опубликованном 11 января 2011 г. интервью газете «Latvijas Avīze» открыто транслировал латвийским ученым-историкам политическую установку официальной Риги: «Не может быть и речи о том, что наши историки придут к каким-то абсолютно новым выводам. Мы свою историю переписывать не будем и не собираемся этого делать. Ни на йоту» [7, с. 14].

В 2012 г. Литва представила новую стратегию «исторической политики»¹. Политическая направленность такая же, как и в Латвии, слог же заставляет вспомнить знаменитый приказ Народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций». Возникает вопрос, почему? В основе государственной концепции стран Прибалтики лежит концепция трех «оккупаций»: двух советских и одной немецкой. Однако даже если согласиться с этим абсурдом, нет логического объяснения, почему эстонцы или латыши в немецкой форме — национальные герои, а в форме советской армии — изменники? Тезис о трех «оккупациях» постепенно трансформируется в модель двух советских «оккупаций». Это было необходимо для того, чтобы сконструировать хотя бы формальные основания для формирования этнократий. «Лишение русских гражданских прав в международном понимании было таким жестоким делом, что для его „заглушки“ потребовалось столь же сильное пропагандистское оружие. Этим оружием эстонцы провозгласили миф об оккупации», — пишет финская журналистка Лезна Хиетанен². (Естественно, это относится к Эстонии и Латвии, но не к Литве, где формировалась и существует несколько иная модель этнического авторитаризма.)

Общим для трех стран Прибалтики является то, что «...компромисс по принципиальному для прибалтов вопросу трактовки их пребывания в составе СССР вряд ли возможен на нынешнем этапе. Ведь оккупационная концепция лежит в основе государственной идеологии, легитимизирует несущие опоры прибалтийской государственности: реституцию и существование института безгражданства» [27, с. 150]. «Темы „советской оккупации“ и „российской угрозы“ служили обоснованием института „неграждан“ в Латвии и Эстонии, и ослабление внимания к ним с высокой вероятностью привело бы к глубокому политическому кризису. Прибалтийские политики отдавали себе отчет в серьезности данных рисков. Поэтому универсальным аргументом вновь стали апелляции к прошлому и национализму» [29, с. 84].

¹ Užsienio reikalų ministro Audroniaus Ažubalio metinis pranešimas Lietuvos Respublikos diplomatinį atstovybių vadovų metiniame suvažiavime. Vilnius, 2012 m. liepos 18 d. [Электронный ресурс]. URL: www.urm.lt/index.php?2021555892. (Ежегодный доклад министра иностранных дел А. Ажубалиса на ежегодной встрече глав дипломатических представительств Литвы. 18 июля 2012 г.).

² Финская журналистка: музей оккупации отрицает холокост, 16 июня 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/finskaya-zhurnalistka-muzej-okkupacii-otricayet-holokost.d?id=19148244>

Эта и подобные позиции были закреплены в официальных оценках МИД РФ. Обратимся к официальному материалу МИД РФ, который был подготовлен 13 февраля 2004 г. и отсутствует на сайте МИД РФ, но сохранен ИА РЕГНУМ: «Об участии латышского легиона СС в военных преступлениях в 1941–1945 гг. и попытках пересмотра в Латвии приговора Нюрнбергского трибунала». Российский подход встретил жесткое сопротивление, никак не меньшее, чем контратаки эстонских и латышских СС из 20-й и 19-й дивизий в 1943–1944 гг. Вывод очевиден. Сложившаяся антагонистическая ситуация исключает достижение межэтнического консенсуса по историческим вопросам, обрекая эти страны на изнурительную конфронтацию между наиболее крупными национальными общинами» [28, с. 13].

Важно отметить и то, что в Эстонии, Латвии, Литве подготовка к войнам памяти велась еще до получения государственной независимости в 1991 г. К этой войне страны Прибалтики готовились с 1988 г., как готовя политико-правовое обоснование собственной концепции истории, так и совершенствуя практики агрессии в отношении российской истории. С 1992 г. начинается замалчивание факта добровольного участия эстонцев в формировании частей СС. Так, в опубликованном в этом году несколькими изданиями учебнике «Очерки истории Эстонского народа» авторскому коллективу националистов-фальсификаторов удалось добиться уникального результата: в главе, посвященной Второй мировой войне, ничего не сказать об участии своих соотечественников в частях СС [12].

Для нас очевидно то, что невозможно отдавать честь легионерам 19-й и 20-й дивизий СС, отрицать геноцид и холокост, участие своих граждан в карательных операциях на территории РСФСР и Советской Белоруссии и надеяться на молчание своих соседей.

В странах Прибалтики нацизм приходит в жизнь, общество и политику малыми шагами и почти незаметно для обывателя, для которого отдельные ситуации не воспринимаются как системные. Кроме того, нацизм легко распространяется в географическом смысле, если где-либо, например, в том или ином государстве, он приобрел устойчивые позиции, а центральная власть принимает решения, исходя из идеологических построений и концептов нацистского свойства. Например, государства Прибалтики, в которых борются с так называемой советской оккупацией, восхваляя нацистских коллаборационистов, повлияли на развертывание нацизма в других странах, прежде всего, на Украине. А уже в дальнейшем развертывание нацистской идеологии на Украине также влияет на ситуацию в прибалтийских государствах.

Анализ современной ситуации в государствах Прибалтики, оценка националистических и авторитарных тенденций важны и нужны, однако «чтобы объяснить фашизм, необходимо рассмотреть его в историческом контексте. На протяжении трех десятилетий он был лишь одним из вариантов более широкого политического идеала — авторитарного национального государства. А оно, в свою очередь, было лишь одной из версий господствующего политического идеала современности — сильного национального государства» [15, с. 7]. В России самостоятельно к этим же выводам пришел историк В. В. Симиндей [26].

Более того, нацизм становится определяющим в общественно-политической жизни, когда он имеет мощную историческую основу, становится компонентом государственной идеологии, является частью исторической памяти.

Проникновение нацизма в общественно-политическую жизнь проходит через несколько этапов. На первом этапе группы влияния подбирают себе соответствующие политические партии. Задача эта не сложна, идеи национального превосходства «коренных» еще с конца 1980-х имели и свои общественные движения и свои протопартии. Так, в Эстонии общество охраны памятников плавно эволюционировало в партию национальной независимости (ППНЭ), из нее вырос Конгресс

граждан. После 1991 г. на правом фланге эстонской, как и литовской, политической линейки тесно от националистов, которые проводят агрессивные мероприятия, активно используют нацистскую символику. В этот же период начинается проведение факельных шествий, начинаются марши в поддержку ветеранов СС.

На втором этапе националистические партии захватывают монополию на историческую истину, начинается ревизия истории, из которой вычеркиваются не только отдельные люди, но и целые народы. Происходит законодательное закрепление реабилитации нацизма в форме «равной ответственности» фашистской Германии и СССР.

На третьем этапе горят книги, а затем и люди. Осуществляется прорыв от идеологии национального превосходства к практикам их осуществления. Третий этап — это перспектива Прибалтики¹.

Данные процессы долгое время не находили в России адекватного внимания. Однако в последнее десятилетие ситуация изменилась. Укажем на сухую академическую формулировку российских ученых: «Имело место „использование“ нацистами прибалтийских националистов в целях более эффективного осуществления гитлеровской экспансионистской и оккупационной политики на Востоке» [19, с. 29]. Однако это не означает отсутствия государственной ответственности Эстонии, Латвии, Литвы за преступления своих граждан-добровольцев. Эстонские, как и латышские эсэсовцы квалифицируются как военные преступники согласно приговору Нюрнбергского военного трибунала: «Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов „общих СС“, войск СС, соединений СС „Мертвая голова“ и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС» [18, с. 655]. Определенная проблема с применимостью решений Нюрнберга к членам военных и парамилитарных формирований есть, о чем будет сказано далее.

«Обеление довоенных режимов, фальсификация причин перемен 1940 года и истории послевоенного периода, политическая реабилитация на уровне государства латвийских нацистских коллаборационистов и одновременно лишение со стороны государства всяческой поддержки тех, кто воевал на стороне антигитлеровской коалиции; наконец, уголовное преследование бывших борцов с гитлеровской Германией и ее пособниками из числа местных жителей — все это звенья одной цепи» [6]. Согласимся с мнением авторитетного специалиста В. Гущина, выраженном в ключевом журнале, сочетающим академичность и выверенную политическую позицию. Однако констатация факта не отменяет вопрос о генезисе явления, стадийности, адекватной политической оценке.

История стран Прибалтики и генезис прибалтийского фашизма

Многие современные характеристики литовского, латышского, эстонского общества объясняются изначально высоким, возможно уникальным уровнем культурного изоляционизма в сочетании с агрессивным национализмом, характерным для всей истории эстонского и латышского народа и большей части истории литовцев.

Доказывая этот тезис, ограничимся двадцатым веком и укажем на то, что «конфликты интересов в многочисленных регионах Российской империи первично существовали не между нерусскими и государством или государствообразующей народностью, а между этнически различными низшими, средними и верхними слоями. То есть, например, между эстонскими и латышскими крестьянами — и прибалтийскими немецкими дворянами и горожанами; между украинскими, литовскими и белорусскими крестьянами — и польской знатью...» [9, с. 405]. Это важный

¹ Используются научные подходы С. С. Середенко и статья [8].

момент, показывающий, что национализм в Прибалтике был, но изначально не был адресован именно на восток.

Еще один признак прибалтийского национализма — его мелкобуржуазное, крестьянское изначалие. «Процесс образования культурной дистанции и конструирования этнической границы нашел свое выражение в создании национальных символов и культурных паттернов, например, в поддержании имиджа сельских районов как носителей аутентичной «норвежской культуры» и перенесении артефактов крестьянской культуры в городской контекст» [11, с. 244]. Эта формула великолепно работала для крестьянских обществ Эстонии, Латвии, Литвы, лишенных до недавнего времени не только политической элиты, но и городского населения вообще.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Практически полностью составляя податное сословие, эстонцы и латыши до начала XIX в. не были представлены в городах, не имели своего купечества, а не только дворянства. Еще в первой четверти XIX в., по словам известного эстонского просветителя О.В. Мазинга, сказать «эстонец» означало сказать «крестьянин» [24, с. 16]. Добавим, что это в полной мере относится ко всем трем «титულным нациям». Формирование политической элиты во второй половине XIX — начале XX в. шло по уникальной модели: зажиточное крестьянство — мещанство («свободные люди» (Freie Leute)) — городской средний класс — национальная интеллигенция — политическая элита.

В «литовских» губерниях ситуация была еще сложнее. Политическая власть находилась у русских и поляков, экономическая — у поляков и евреев. Приведем пример предельной ограниченности возможностей экономической и политической власти будущих титульных этносов. В 1802 г. в Эстляндской губернии из 156 купцов первой гильдии 81 были немцами, 48 — русскими и 27 — эстонцами [33]. Впрочем, «своеобразная комбинация особого прибалтийского правопорядка и введенного во второй половине XIX века российского законодательства по местному самоуправлению значительно расширила возможности латышей и эстонцев в организации и артикуляции своих индивидуальных и групповых интересов» [25]. К примеру, в 1909 г. на выборах в рижскую городскую думу из 80 гласных было 54 не латыша (немцы, русские, евреи) и 26 латышей [30].

Интересен немецкий взгляд на эстонскую нацию: «...эстонцы горды тем, что они как малый народ пережили тысячелетия, и они убеждены, что принадлежат к способной нации, которая не даст себя унижать. На этой земле идеалом является тот, кто упорно сопротивляется, а не завоеватель. Отсюда и презрение к онемечившимся эстонцам (“можжевеловым немцам”), по-остзейски „Kadakasentum“, по-эстонски „kadakas“»¹. Тезис получил развитие в классической эстонской литературе национального возрождения: «Мартин Риземан — немец из того сорта эстонцев, которые не хотят быть эстонцами... среди состоятельных и образованных людей никто не хочет быть эстонцем, это считается унижительным и оскорбительным и когда говорят „эстонец“, то подразумевают только мужа или вообще человека из низших сословий, невежественного и полуграмотного» [4, с. 165].

Приспособление — ключевой способ адаптации жителей Прибалтики в XX в. В 1914 г. писать русским доносы на эстляндских немцев, в 1918 служить немцам, в 1920-м бросать в тюрьмы эстляндских русских — норма, а не исключение из исторического правила. Это же относится к политическому поведению латышей и литовцев.

Такая политика, как бы она ни выглядела с морально-этической точки зрения,

¹ Маленькие истины об эстонцах и немцах. Приложение к «Годовому отчету командира полиции безопасности и СД с июля 1941 по 30. 06. 1942» [Электронный ресурс]. URL: <https://mahtrasass.livejournal.com/56703.html>

дала свои результаты к 1917 г., когда в пределах территории будущей Эстонии действовали 124 молочных и 170 машинных товариществ, 133 потребительских кооператива, 305 обществ взаимного страхования [10, с. 40]. Средний класс или, точнее, мелкая и средняя буржуазия, «достроили» социальную структуру эстонского и латвийского обществ, которая до этого была не полной. Так формировался мощный «средний класс» с его предельно националистическими устремлениями. Политическое представительство помогало развивать «национальных» собственников, формировавших комфортную для себя среду.

Развертывающаяся Первая мировая война привела к физическому устранению как немецкой экономической и политической мощи, так и российского административного и политического аппарата. Более того, несмотря на то, что после войны этническая монолитность на территориях, ставших Латвией, Эстонией и Литвой, возросла, избыточное внимание к национальному вопросу или, проще говоря, официальный и бытовой национализм были визитной карточкой Прибалтики.

Литовский национализм в годы Первой мировой войны оказался таким же, как и эстонский и латышский — предельно агрессивным по отношению «к слабым», основанный на демонстрации подчинения «к сильным». С точки зрения политической психологии это мощный объединяющий фактор на начало 1920-х и 1930-е годы.

Сценарий этнической мобилизации казался самым очевидным и был реализован в 1918–1920 гг. Этот же сценарий, разумеется, с определенными коррективами, был задействован в 1988–1991 гг. Результат очевиден: «Политико-правовая и историческая база обретения независимости в 1918–1920 гг. и 1989–1991 гг. основана на многочисленных нарушениях прав народов и отдельных людей, гражданских войнах, внешней военной агрессии и уникальном политическом оппортунизме» [16, с. 184].

Фактор поздней национальной консолидации довлел над политическими практиками стран Прибалтики в 1920–1930-е годы. Отсутствие или многовековые провалы в национальной истории требуют ее восстановления / реновации. При этом поиск национальной герою представляет собой достаточно сложную задачу. Редактор коллективной «Истории Литвы» А. Шапока еще в 1932 г. написал программную статью, призывавшую коллег «найти литовцев в истории Литвы», поскольку до того ее исследовали «чужие» — немцы, поляки, русские и пр., — имевшие склонность подчеркивать достижения лишь собственного народа [35, р. 2]. Подход, который применил А. Шапока, действует и сейчас. Обратим внимание на следующую цитату: «После прекращения существования ВКЛ (*Великого княжества Литовского* — Н. М.) его материальное наследие и память сознательно уничтожались руками многочисленных оккупационных сил. Не менее важно, что уже во время национального возрождения конца XIX в. и после приобретения независимости Литовской Республики в 1918 г. эту память пришлось делить с Польшей, с которой в первой половине XX века, к сожалению, сложились отнюдь не самые благополучные отношения» [34, с. 367]. Это дало необычный эффект, отмеченный Анатодем Ливеном: «Имея дело с литовскими политиками-националистами, я постоянно убеждался, что они действовали в настоящем времени лишь отчасти; в основе их поведения лежало видение того, как их действия будут выглядеть в карнавале литовской истории, начиная от Великого княжества Литовского и простираясь до будущих учебников истории» [38, р. 54]. Впрочем, относится ли это только к Литве? Конечно же нет: «средневековая слава функционирует как средство легитимации, особенно для националистических правых политических сил» [39, р. 59]. К Эстонии и Латвии вопрос «средневековой славы» не относится ввиду отсутствия последней, но концепция легитимации современности через апелляции к прошлому стала обязательной частью прибалтийского национализма. Причем в Эстонии и Латвии отсутствие славы, пусть даже средневековой, является дополнительной проблемой, выход из которой на удивление традиционен —

причудливый коктейль из государственного и бытового национализма.

Возникнув на скудном историческом субстрате, историческая политика Прибалтики родилась задолго до возникновения соответствующих государств. Карстен Брюггеманн, приглашенный профессор Института истории Таллинского университета, формулирует интересный тезис, напрямую относящийся к странам Прибалтики: если прошлого нет, его следует сконструировать [2].

В случае Эстонии — это легенды о «шведском золотом веке» и память о «проигранной эстонцами (?!)» Северной войне. В случае Литвы — предания о Великом княжестве Литовском, не имеющем прямого отношения к современному литовскому государству. Характерно то, что эта мифология активно распространялась и распространяется не историками (новая профессия для Эстонии), а любимыми представителями интеллигенции, вырвавшимися из рабства крестьянского труда. «Поражение в Северной войне (1700), ввергшее эстонский народ в глубочайшую экономическую нищету и духовное прозябание под крылом двуглавого орла, полнейший произвол балтийских помещиков выключили наш народ из целого столетия, именуемого в мировой истории эпохой Просвещения» [23, с. 17]. Здесь каждое слово памятник национальному величию, но одновременно сознательное издевательство над историей. Во-первых, эстонский народ не воевал в Северной войне. Во-вторых, никакого процветания в шведскую эпоху не было, о чем и говорят шведские письменные источники. Эстонские источники им не противоречат ввиду отсутствия последних. В-третьих, «балтийские помещики» имели вполне конкретную национальность: немцы и шведы. И приехали они не в обозе Петра Великого, а жили здесь столетиями и владели землей и людьми. Эстонской и латышской землей и людьми — эстонцами и латышами. Что же касается даты, то в общем ряду она даже не удивительна. Поговорка «лучший сосед эстонца — забор» должна рассматриваться как универсальная характеристика и для латышей, и для литовцев. В основном ее следует читать как культурный изоляционизм от более сильных и крупных этносов: немцев, поляков, русских.

Особый вопрос, изучение которого необходимо для понимания прибалтийской русофобии, это прибалтийский антисемитизм. История антисемитизма в Прибалтике (изначально на польско-литовских землях, затем в остзейских губерниях) началась еще в XVII в., когда большая часть жителей региона ощущала себя «недонемцами» или «недополяками». В условиях формирования чувства собственной вторичности в экономике и политике компенсационным объектом для вымещения националистических комплексов стали евреи, которых не защищал никто: ни имперское государство, ни организованное и богатое остзейское дворянство¹.

Неожиданная трансформация угнетаемого большинства в государствообразующий этнос повлияла на отношение к меньшинствам на этих территориях. Политический и экономический хаос, масштабные внешние риски привели к тому, что на этой базе в межвоенный период в Прибалтике выросло немало националистических организаций. Одна из них латышский «Перконкруст». Вот как характеризует эту организацию один из латвийских историков: «Оригинальным и новым в «Перконкрусте» было то, что радикальный расистский антисемитизм был не только центральным интегрирующим, но фактически единственным серьезным принципом движения» [32]. Авторитарные правительства 30-х гг. старались сдерживать ультраправых, перехватывая их повестку и ограничивая антисемитские действия, но не слова.

После 1920 г. антисемитские настроения не исчезли, но продолжали присутствовать как часть политической повестки дня на уровне бытового антисемитизма. В 1930-е гг. в авторитарных диктатурах Сметоны, Ульманиса, Пятса антисемитизм

¹ См.: [22].

стал частью государственных практик, но в отличие от фашистской Германии он не перешел на уровень геноцида. Это произойдет позже, как геноцид евреев в Прибалтике в 1941–1944 г.

В основном антисемитизм имеет те же корни, что и русофобия. Но в настоящее время быть открытым антисемитом в странах Прибалтики — значит выпасть из политического мейнстрима. Антисемитизм в Прибалтике устойчив и постоянен. С другой стороны, быть русофобом — это полностью принадлежать генеральной линии. В основе антисемитизма и русофобии лежат одни и те же особенности национального развития, важнейшей из которых является культивируемая ксенофобия ко всем иным, а не только к русским или евреям.

Но вернемся в начало XX в. Провозглашение национальных государств в условиях вакуума силы состоялось. Основатели этих государств, пройдя через статус немецких коллаборантов, были записаны в герои и «отцы нации», а участники националистических военных формирований становились значимой политической силой. Именно эта сила проявит себя позже, при строительстве авторитарных режимов.

Межвоенный авторитаризм в странах Прибалтики как предпосылка нацификации

Исторический подход к политическим системам предполагает, что каждая из них носит на себе отпечаток той специфической проблемы, которую она была призвана решить; иными словами, «всякую политическую систему можно считать ответом на необходимость решить некий насущный вопрос» [1, с. 15]. В 1919–1920 гг. неожиданная независимость потребовала такой политической системы, которая как минимум гарантировала бы ее сохранение.

Первые республики возникли как демократические государства, с абсолютным доминированием социал-демократов и левых. «...Среди латышей резко усилились левые настроения, и на всех основных состоявшихся после Февральской революции в 1917 году выборах в Латвии уверенное большинство получили левые партии» [37]. Затем они пали жертвой национализма и авторитаризма. Особого внимания заслуживает авторитарный этап государственности «первых республик» — «Ульманис — Сметона — Пятс». «Возникнув в горниле Гражданской и национально-освободительной войны, Латвийское государство позиционировало себя как демократическую республику, что нашло закрепление в Конституции 1922 г. Но вслед за принятием конституции началась борьба за ее пересмотр, а фактически — отмену и установление националистической диктатуры» [13, с. 126]. Этот тезис справедлив и для Эстонии, и для Литвы. Произошло это не случайно, а в силу того, что для межвоенных государств «национализм остается ключевым источником идейной власти в посредничестве между формальным конституционным порядком и неформальными практиками, а также в легитимации электорально-авторитарных режимов» [5].

Политические режимы Прибалтики до середины 1930-х гг. были предельно неустойчивыми. В Эстонии в межвоенный период с 1919 по 1934 г. сменился 21 кабинет министров. Кабинеты министров были коалиционными и, как правило, правыми. При этом крупнейшие фракции создавали социал-демократы и центристы — доступа к реальной власти, подчеркнем, не получавшие (в современной Эстонии и Латвии, кстати, такая же картина). В середине 30-х гг. в Прибалтике практически синхронно к власти приходят авторитарные режимы, распускаются политические партии, останавливается действие конституций. Однако эти авторитарные режимы были, по сути, «меньшим злом», остановив рвущиеся к власти полуфашистские и фашистские группировки, например, эстонских вапсов и литовских «железных

волков», латышский «Перконкрустс» [17, с. 72]. Таким образом «...идейные заимствования и собственные идеологические “находки” прибалтийских авторитарных диктатур привели к созданию специфических структур и обкатке практик, объективно сближавших официальные Каунас, Ригу и Таллин с такими недемократическими режимами, как фашистский и нацистский» [26, с. 48].

Сползание к фашизму в Прибалтике, в том числе в Эстонии, происходило традиционным для межвоенной Европы путем. Ветеранская и националистическая организация «Эстонская конфедерация ветеранов Освободительной войны» (Eesti Vabadussõjalaste Keskliit) возникла в 1929 г. на правом фланге эстонского политического спектра. В 1933 г. организация радикализировалась и была реорганизована в «Эстонскую лигу Ветеранов Освободительной войны» (Eesti Vabadussõjalaste Liit), сокращенное наименование «вапсы» (vapssid). Вапсы выступали за создание корпоративного государства, основанного на традиционных национальных ценностях. Организация стала весьма массовой и влиятельной, хотя и несколько маргинальной, насчитывала более 60 000 человек.

Определенный перелом наступил в октябре 1933 г., когда вапсы выдвинули проект новой конституции, идеологически близкий итальянским и немецким фашистским политико-правовым конструкциям. Проект был поддержан на всенародном референдуме — 56% голосов. После этого правящая элита пустила «встречный пал» — совершила государственный переворот. 12 марта 1934 г. правительство Эстонии организовало государственный переворот, установило авторитарный режим и отменило действие конституции, подтвердив при этом все программные националистические установки вапсов¹. Происходившее в Эстонии не являлось исключением. Практически аналогично развивалась ситуация в Литве и Латвии.

В Латвии в 1932 г. была создана фашистская организация «Угунскрутс» («Огненный крест»), которая в мае 1933 г. была переименована в «Перконкрустс» («Громовой крест»), «Перконкрустс» издавала одноименную газету, каждый номер которой был увенчан девизом «За латышскую Латвию!» [20, с. 214]. Движение набирало популярность и могло стать конкурентом правящих. В результате в Латвии в 1934 г. после очередного парламентского / партийного кризиса К. Ульманис установил авторитарный режим с национальным и консервативным идеологическим оформлением. Как и его прибалтийские коллеги, К. Ульманис называл себя «полномочным представителем власти народа и государства» или же просто вождем.

В Литве в декабре 1926 г. произошел государственный переворот. Президент и правительство были низложены, А. Сметона получил статус «верховного главы нации». В дальнейшем введены цензура и непрямое голосование на выборах в сейм, и, наконец, конституция 1938 г. еще больше усилила власть президента [21].

Интересно и то, что в межвоенной Прибалтике своего авторитаризма не только не стеснялись, им гордились. «3 апреля 1938 г., обращаясь к палате труда, министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс дал своего рода типологическое определение авторитарного режима — это «однопартийные или беспартийные режимы, называемые также тоталитарными или авторитарными».... Широко известный статистик Я. Бокалдерс, идеолог режима, описывал его как «...политически сплоченное тоталитарное государство...» Тоталитарное! [31, с. 147].

В настоящее время в официальной прибалтийской историографии крайне редко встречаются оценки довоенных режимов, — каких бы то ни было. Причина этого явления в том, что объективная оценка довоенных режимов неизбежно ставит во-

¹ Фашистское движение в Эстонии в 1930-х гг. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ruunivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6766&PORTAL_ID=6763

прос об их континуитете современным авторитарным прибалтийским режимам. По мнению ряда исследователей, в некоторых странах Восточной Европы воспроизводятся отличительные черты организации власти, сформировавшиеся в докоммунистический, межвоенный период [36]. Конечно же, речь не идет о буквальном копировании, воспроизводятся не сколько методы, сколько цели.

Ф. Бурлацкий и А. Галкин справедливо указывали на то, что «для определения политического режима необходимо сопоставление официальных, в том числе конституционных и правовых, норм с реальной политической жизнью, производимых целей — с действительной политикой» [3, с. 35–36]. Реальная политика стран Прибалтики — реабилитация нацизма и системный национализм как государственная идеология правящей этнократии. Для этого применяются классические авторитарные практики в фальшивых демократических одеждах: «откат от демократии, но не в форме военных режимов, а в форме псевдodemократии: выборы проводятся, но они подстроены. Существует множество партий, но режим может отбирать кандидатов и избирательно запрещать участие в выборах другим» [14, с. 63]. Так было в прошлом веке в странах Прибалтики, так стало и в настоящее время.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. Репрезентативная демократия // ЛОГОС. 2004. № 2 (42). С. 15–40.
2. Брюггеманн К. Создание прошлого в условиях авторитаризма: празднование Дня победы в Эстонии в 1934–1939 годы [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2015. № 3(101). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/17b-pr.html>.
3. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан. Очерки политической социологии капитализма. М., 1985.
4. Вильде Э. На заре. Сборник рассказов и повесть. Таллин, 1964.
5. Гуд П. Национализм в тихое время: идейная власть и постсоветские электорально-авторитарные режимы [Электронный ресурс] // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры — Русское издание. 2014. № 2. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss22.html>
6. Гуцин В. К вопросу о причинах распространения неонацизма в Прибалтике [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14036> 31.10.2015
7. Дюков А. Р., Симиндей В. В. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению. М. : Фонд «Историческая память», 2011.
8. Еремина Н. В., Межевич Н. М. Нацизм в Прибалтике. Тени больше не исчезают в полдень, они идут на выборы [Электронный ресурс]. URL: http://baltstudies.ru/president_column/natsizm-v-pribaltike/ 5.03.19/
9. Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология. М. : Новое издательство, 2005.
10. Карьякарм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. Таллин, 1976.
11. Куропятник М. С. «Запоздалые нации» Северной Европы: проблема конструирования идентичности // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции. СПб., 2003.
12. Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа / Перевод Б. И. Тух. Таллин : Кооператив писателей Эстонии, 1992.
13. Малнач А. «Национальное движение» и антисемитские эксцессы в Латвийском университете зимой 1922/23 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 1. С. 125–160.
14. Манн М. Власть в XXI столетии. Беседы с Джоном А. Холлом. М., 2017.
15. Манн М. Объяснение межвоенного подъема авторитаризма и фашизма (из книги) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 6–31.
16. Межевич Н. М. К вопросу о факторах формирования политического пространства и госу-

- дарственности в Прибалтике, 1917–1920 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 184–198.
17. *Межевич Н. М., Смирнов В. А.* Структурные факторы формирования политических элит в государствах Прибалтики: 1991–2017 // Вестник РГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 4-1. С. 67–78.
 18. *Нюрнбергский процесс.* Сборник материалов : В 8 т. Т. 8. М., 1999.
 19. *От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны: документы* : в 2 т. / отв. сост. А. В. Репников, сост. Р. С. Агарков, Ж. В. Артамонова. Т. 1. М., 2018.
 20. *Панин Е. Н.* Деятельность националистического подполья в Латвии с июня 1940 по июнь 1941 гг. // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. 2009. № 1 (69). С. 212–215.
 21. *Пономарева Е. Г.* Авторитарный транзит периферийных стран межвоенной Европы: политологический анализ // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6 (9). С. 188–199.
 22. *Прибалтийские исследования в России. 2017–2018.* Сборник статей по итогам международной научной конференции «Войны и революции 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы» (г. Санкт-Петербург, 23–25 октября 2017 г.) / Российская ассоциация прибалтийских исследований; Фонд «Историческая память»; сост. Н. М. Межевич. М. : Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2018.
 23. *Ристикиви К.* Очерки по истории эстонской культуры. Таллин, 1997.
 24. *Рихтер Е.* Кто и как жил на земле Эстонии. Таллин, 1994.
 25. *Руутсоо Р.* Исторические типы гражданского общества и организационный капитал народов Прибалтики [Электронный ресурс]. URL: <https://cisr.pro/publications/working-papers-3/>
 26. *Симиндей В. В.* Огнем, штыком и лезвием. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике М. : Фонд «Историческая память»; Алгоритм, 2015. 352 с. (Серия «Восточная Европа. XX век». Вып. 7.)
 27. *Скачков А. С.* Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 140–151.
 28. *Скачков А. С.* Россия и Прибалтика: причины кризиса // Международная жизнь. 2018. № 9. С. 11–22.
 29. *Смирнов В. А.* Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 78–97.
 30. *Странга А.* Латвия в XX веке в контексте европейской истории [Электронный ресурс]. URL: http://www.latlat.sitcity.ru/stext_0510223939.shtml.
 31. *Странга А.* Политическая система режима Карлиса Ульманиса в Латвии (1934–1940) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3 (26). С. 146–151.
 32. *Странга А.* Расистский антисемитизм в Латвии: «Перконкрустс» и другие (1932–1933 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lu.lv/materiali/studiju-centri/jsc/resursi/316-327.pdf>
 33. *Федосова Э.* От беглых староверов к государственной колонизации. Формирование русской диаспоры в Прибалтике (XVIII–XIX вв.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/russ/old-believer/
 34. *Чепайтене Р.* Воспоминание о величии: образ великого княжества литовского в исторической памяти современной Литвы // Украинський історичний збірник. 2013. Вип. 16. С. 366–392.
 35. *Šaroka A.* Raskim lietuvius Lietuvos istorijoje [Найдем литовцев в истории Литвы] // Naujoji Romuva. 1932. № 21. P. 2.
 36. *Grzymala-Busse A.* Redeeming the past: the regeneration of the communist successor parties in East Central Europe after 1989 N.Y. 2002: Cambridge Univ. Press.
 37. *Kreslīs U.* Политическое развитие Латвии в 20 веке: от «демократии взглядов» и авторитаризма к «демократии денег» // Acta humanitarica universitatis Saulensis. Т. 7 (2008). С. 35–43.
 38. *Lieven A.* The Baltic revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the path to independence. New Haven; L., 1994. P. 54.
 39. *Norgaard O. et al.* The Baltic States after independence. Cheltenham Lyme, 1997. P. 59.

Об авторе:

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Ankersmit F.R. Representative Democracy // LOGOS. 2004. No. 2 (42). P. 15–40. (In rus)
2. Bruggemann K. Creation of the past in the conditions of authoritarianism: celebration of Victory Day in Estonia in 1934–1939 [Electronic resource] // Inviolable reserve [Neprikosnovennyi zapas]. 2015. No. 3(101). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/17b-pr.html>. (In rus)
3. Burlatsky F.M., Galkin A.A. Modern Leviathan. Essays on the political sociology of capitalism. M., 1985. (In rus)
4. Wilde E. At dawn. A collection of stories and a tale. Tallinn, 1964. (In rus)
5. Goode P. Nationalism in a Quiet Time: Ideological Power and Post-Soviet Electoral-Authoritarian Regimes [Electronic Resource] // Forum of the Latest Eastern European History and Culture — Russian Edition [Forum noveishei vostochnoevropeiskoi istorii i kul'tury — Russkoe izdanie]. 2014. No. 2. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss22.html> (In rus)
6. Guschin V. To the question of the causes of neo-nazism in the Baltics [Electronic Resource]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14036> 31.10.2015. (In rus)
7. Dukov A.R., Simindei V.V. State Historical Policy of Latvia: Materials for Study. Moscow: Historical Memory Foundation, 2011. (In rus)
8. Eremina N.V., Mezhevich N.M. Nazism in the Baltics. Shadows no longer disappear at noon, they go to the polls [Electronic resource]. URL: http://baltstudies.ru/president_column/natsizm-v-pribaltike/ 5.03.19/ (In rus)
9. Kappeler A. Education of the nations and national movements in the Russian Empire // Russian Empire in a foreign historiography. Works of recent years : anthology. M.: New publishing house, 2005. (In rus)
10. Karyakarm T. Estonian bourgeoisie, autocracy and nobility in 1905–1917 Tallinn, 1976. (In rus)
11. Kuropyatnyk M.S. “Late Nations” of Northern Europe: the problem of identity design // St. Petersburg and Nordic countries. Proceedings of the annual international scientific conference. SPb., 2003. (In rus)
12. Laar M., Valk H., Vachtre L. Essays of the History of the Estonian People / Translation of B.I. Tuh. Tallinn: Writers' of Estonia Cooperative, 1992. (In rus)
13. Malnach A. “National Movement” and anti-semitic excesses at the University of Latvia in winter 1922/23 // Journal of Russian and Eastern European Historical Studies [Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy]. 2016. No. 1. P. 125–160. (In rus)
14. Mann M. Power in the 21st Century. Conversations with John A. Hall. M., 2017. (In rus)
15. Mann M. Explanation of the interwar rise of authoritarianism and fascism (from the book) // Journal of Russian and Eastern European Historical Studies [Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy]. 2019. No. 2 (17). P. 6–31. (In rus)
16. Mezhevich N.M. On the Issue of Factors of Formation of Political Space and Statehood in the Baltics, 1917–1920 // Journal of Russian and Eastern European Historical Studies [Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy]. 2019. No. 2 (17). P. 184–198. (In rus)
17. Mezhevich N.M., Smirnov V.A. Structural Factors of Formation of Political Elites in the Baltic States: 1991–2017 // Journal of the RSUH. Series “Political science. History. International relations” [Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»]. 2017. No. 4–1. P. 67–78. (In rus)
18. Nuremberg process. Material collection : In 8 vol. V. 8. M., 1999. (In rus)
19. From Nationalism to Collaborationism: Baltics during World War II: Documents: in 2 vol. Coll. A.V. Repnikov, coll. R.S. Agarkov, J.V. Artamonov. V. 1. M., 2018. (In rus)
20. Panin E.N. Activities of nationalist underground in Latvia from June 1940 to June 1941 // Journal of TSU. Humanities. History and political science [Vestnik TGU. Gumanitarnye nauki. Istoriya i politologiya]. 2009. No. 1 (69). P. 212–215. (In rus)
21. Ponomareva E.G. Authoritarian Transit of Peripheral Countries of Interwar Europe: Political Analysis // Journal of MGIMO-University [Vestnik MGIMO-Universiteta]. 2009. No. 6 (9). P. 188–199. (In rus)
22. Baltic studies in Russia. 2017–2018. Collection of articles on the results of the international scientific conference “Wars and Revolutions 1917–1920: Formation of Statehood of Finland, Estonia, Latvia and Lithuania” (St. Petersburg, on October 23–25, 2017) / Russian Association of Baltic Studies; Historical Memory fund; coll. N.M. Mezhevich. M.: Association of Book Publishers “Russian Book,” 2018. (In rus)
23. Ristikivi K. Essays on the history of Estonian culture. Tallinn, 1997. (In rus)

24. Richter E. Who and how lived on the land of Estonia. Tallinn, 1994. (In rus)
25. Ruutsoo R. Historical types of civil society and organizational capital of the Baltic peoples [Electronic resource]. URL: [https:// cisr.pro/publications/working-papers-3/](https://cisr.pro/publications/working-papers-3/) (In rus)
26. Siminday V.V. Fire, bayonet and flattery. World Wars and their nationalist interpretation in the Baltics M.: Historical Memory Foundation; Algorithm, 2015. 352 p. (Series "Eastern Europe. The XX century". Issue 7.) (In rus)
27. Skachkov A. S. Historical Memory in Political Processes of the Post-Soviet Baltic States // Comparative Policy [Srvnitel'naya politika]. 2017. V. 8. No. 1. P. 140–151. (In rus)
28. Skachkov A. S. Russia and the Baltics: the causes of the crisis // International Life [Mezh-dunarodnaya zhizn']. 2018. No. 9. P. 11–22. (In rus)
29. Smirnov V.A. The role of political elites in the formation of historical policy in the Baltic countries // Baltic Region [Baltiiskii region]. 2015. No. 2 (24). P. 78–97. (In rus)
30. Stranga A. Latvia in the 20th century in the context of European history [Electronic resource]. URL: [http:// www.latlat.sitecity.ru/stext_0510223939.phtml](http://www.latlat.sitecity.ru/stext_0510223939.phtml) (In rus)
31. Stranga A. The political system of the Karlis Ulmanis regime in Latvia (1934–1940) // Bereginia. 777. Owl: Society. Policy. Economy [Bereginya. 777. Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika]. 2015. No. 3 (26). P. 146–151. (In rus)
32. Stranga A. Racist anti-semitism in Latvia: Perconkrusts and others (1932–1933) [Electronic resource]. URL: [https:// www.lu.lv/materiali/studiju-centri/jsc/resursi/316-327.pdf](https://www.lu.lv/materiali/studiju-centri/jsc/resursi/316-327.pdf) (In rus)
33. Fedosova E. From fugitive old men to state colonization. Formation of the Russian diaspora in the Baltics (18th–19th centuries) [Electronic resource]. URL: [http:// www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/russ/old-believer/](http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/russ/old-believer/) (In rus)
34. Chepaytene R. Memory of greatness: the image of the Grand Duchy of Lithuania in the historical memory of modern Lithuania // Ukrainian historical collection [Ukrains'kii istorichnii zbirnik]. 2013. Issue 16. P. 366–392. (In rus)
35. Šapoka A. Raskim lietuvius Lietuvos istorijoje [Let's find Lithuanians in the history of Lithuania] // Naujoji Romuva. 1932. № 21. P. 2. (In Lithuanian)
36. Grzymala-Busse A. Redeeming the past: the regeneration of the communist successor parties in East Central Europe after 1989 N.Y. 2002: Cambridge Univ. Press.
37. Kreslis U. Latvia 's political development in the 20 century: from "democracy of views" and authoritarianism to "democracy of money" // Acta humanitarica universitatis Saulensis. T. 7 (2008). P. 35–43.
38. Lieven A. The Baltic revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the path to independence. New Haven; L., 1994. P. 54.
39. Norgaard O. et al. The Baltic States after independence. Cheltenham Lyme, 1997. P. 59.

About the author:

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru